

премьера Газета - 2005 - 9 февр. - с. 24-25

Ввиду почти полного отсутствия сочинений для фортепиано и альт с оркестром Юрий Башмет и Алексей Любимов исполнили «Весну в январе» Фотограф: Екатерина Штуккина/Газета

смажь колеса

Илья Овчинников

Если слушатель в начале сезона приобрел «абонемент на Башмета», он едва ли пропустит очередной концерт. Другое дело, когда меломан стоит перед афишей, на которой с более или менее безопасными именами Башмета, Любимова, Брамса соседствуют сомнительные Карманов, Мартынов и Леденев. Психологически проще не купить билет, чем не пойти на заранее оплаченный вечер. Этот фактор повышает просветительское значение абонементных программ.

«Именному» абонементу Юрия Башмета (и не только его) гарантированы хорошие продажи, а это дает немалую свободу в составлении программ как Московской фи-

лармонии, так и самому Юрию Абрамовичу. Пусть Брамс — не идеальная компания для трех ныне живущих российских композиторов, зато в ожидании его хресто-

Газета - 2005 - 9 февр. - с. 24-26.

времени

Юрий Башмет и Алексей Любимов воспитывают публику

матийного опуса волей-неволей знакомимся с новыми сочинениями. А если они и приводят меломана в бешенство, то симфония Брамса успокаивает слушателя, попутно предлагая подумать о том, какая музыка ему нравится и почему. Примерно так, возможно, рассуждали составители программы, которую по меркам Большого зала Консерватории можно назвать до некоторой степени скандальной. Речь в первую очередь о сочинении Владимира Мартынова, чье имя куда привычнее видеть на афише культурного центра «Дом». Мартыновский «Танец с умершим другом» для фортепи-

ано с оркестром, впервые прозвучавший в Москве, стал центром вечера, хотя и не был воспринят значительной частью «башметовской» публики. Солировал Алексей Любимов, чья одержимость сыграла важнейшую роль в восприятии получасового сложного опуса. Есть опасения, что менее авторитетного музыканта зал бы просто «захлопал», как это произошло три года назад с Александром Рабиновичем-Бараковским — кстати, именно Любимов тогда спас ситуацию от скандала. Во вступительном слове Алексей Борисович охарактеризовал сочинение Мартынова как попытку по-

чувствовать остановившееся время. Насколько слушатели достигли цели, вопрос открытый, хотя композитор сделал для этого все, что мог. Краткий скорбный пассаж из нескольких нот, открывший «Танец», прозвучал с незначительными изменениями около семидесяти пяти раз, причем оркестр напомнил о себе лишь на пятидесятом повторе. Затем Любимов взялся за разработку еще двух, не менее лаконичных мелодических линий, которые позже слились с основной; вероятно, именно здесь время остановилось. За этим рубежом оно потекло вновь, хотя

и не без труда. Фортепиано малопомалу стал поддерживать оркестр — особенно интимным разговор с роялем получился у виолончели и вибратона. Мелодичный финал уже ничем не напоминал о «минимальном» прологе, словно говоря: время нельзя остановить надолго. После изнурительного сочинения Мартынова было трудно воспринять концерт-поэму Романа Леденева, к тому же исполнявшуюся Башметом не так давно. «Нагрузкой» звучали и первые две части Третьей симфонии Брамса, зато темпераментно и нежно сыгранное Allegretto оказалось настоящим по-

дарком. Условным реверансом в сторону Брамса можно считать открывшую вечер «Весну в январе» Павла Карманова — вполне универсальную концертную увертюру. Если подобное сочинение сводит на сцене Алексея Любимова и Юрия Башмета, уже за это оно заслуживает плюса. Карманов преуспевает на поприще телемузыки, и неудивительно, что иные эпизоды его опуса звучали как типичный саундтрек, условный видеоряд к которому без труда приходит в голову: влюбленные мирятся; мать находит потерявшегося ребенка; все плачут и целуются; занимается заря.